

Глава 6. Новый дом

По оживленному столичному проспекту неторопливо ехала карета под темно-синим навесом из плотного холста.

Чем ближе они подъезжали к столице, тем ярче и оживленнее становилось вокруг. Е Шуанчэн не выдержал и приоткрыл край тяжелой занавески. Снаружи бурлила людская толпа, потоки пешеходов и повозок текли непрерывно, а вдали высились крепостные стены. Повсюду пестрели крыши из красной черепицы и серых кирпичей, отовсюду доносились звонкие голоса. Он выглядел растерянным перед неведомым миром, но надежда и робкое предвкушение были куда сильнее. Вот она, столица. Место, где ему отныне предстояло жить вместе со старшим братом.

Проехав еще немного, карета покачнулась в последний раз и замерла перед парадными воротами обширной резиденции.

— Господин, мы прибыли. Прошу вас, выходите, — раздался снаружи вежливый голос.

Шуанчэн вздрогнул, растерянно затеребил пальцы и украдкой покосился на Е Чжэня.

Е Чжэнь тихонько рассмеялся, подался вперед и крепко сжал ладонь брата.

— Шуанчэн, мы дома.

Теплая рука брата вселила в него уверенность. Шуанчэн облегченно вздохнул, поднялся и вышел наружу.

Резиденция выглядела на редкость величественно. Окруженная плотным кольцом городских построек, она выделялась особым, сдержанным благородством. По обе стороны от входа несли стражу массивные каменные львы, а выкрашенные алой краской тяжелые ворота отливали гляncем в лучах полуденного солнца. Настоящим же украшением парадного входа служила широкая вывеска, где уверенными, каллиграфическими мазками были выведены два слова: «Поместье Е».

У входа выстроилась длинная вереница слуг и служанок. Лица их так и сияли от радости. Завидев хозяина, все они разом склонились в глубоком поклоне:

— Приветствуем господина!

А едва заметив стоящего рядом юношу, хором добавили:

— Приветствуем второго господина!

Шуанчэн пошел следом за братом, стараясь держаться к нему поближе, но услышанное обращение заставило его на миг опешить. В далеком Биньчжоу его величали то молодым господином Е, то просто «молодым господином Шуанчэном». А здесь, в столице, его с порога окрестили солидным «вторым господином».

Похоже, это обращение прочно закрепит за ним новое положение в доме.

От этой мысли юноша невольно довольно улыбнулся. С важным видом кивнув слугам, он повернулся и увидел представительного пожилого мужчину.

— С возвращением, господин, — негромко произнес тот, оказавшись управляющим. Получив в ответ вежливый кивок Е Чжэня, старик почтительно повел их за собой во двор.

Шуанчэн с любопытством оглядывался по сторонам: внутренний двор поместья оказался удивительно чистым и ухоженным. Мощенные дорожки, аккуратные альпийские горки и журчащие декоративные ручьи привели его в полный восторг. Пройдя вглубь резиденции, они поравнялись с оградой, за которой высились пышные кусты белой магнолии. Нежные белоснежные чашечки цветов тянулись к солнцу, являя собой удивительно приятное зрелище. Сердце Шуанчэна мгновенно растаяло от этой красоты. Ткнув пальцем в сторону прилегающего дворика, он восторженно затеребил брата за рукав:

— Брат, братик, послушай! Я хочу жить здесь!

Управляющий тут же вежливо пояснил:

— Господин, этот флигель расположен довольно далеко от остальных покоев, к тому же в нем давно никто не селился. Там наверняка скопилось немало пыли. Если второй господин действительно желает занять эту усадьбу, нам придется навести здесь образцовый порядок, а также полностью обновить всю мебель: ложе, столы, стулья и портьеры.

Е Чжэнь остановился у ворот усадьбы и окинул ее оценивающим взглядом. Флигель был небольшим, но довольно светлым и уютным, вот только находился далековато от его собственного жилища. Встретившись глазами с Шуанчэном и заметив его нетерпение, он повернулся к управляющему:

— Ничего страшного. Главное, чтобы Шуанчэну было по душе. Распорядись сегодня же начать уборку. Пусть все вычистят до блеска и заменят убранство комнат. Да, и раз уж ему так понравилась магнолия, вели пересадить во двор еще несколько цветущих кустов.

Дав еще несколько детальных поручений, он повернулся к брату:

— Переберешься сюда через пару дней, как только слуги все закончат. А пока поживешь у меня в Восточном дворе.

Юноша покорно кивнул и послушным хвостиком поплелся за братом в Восточный двор.

Но раз уж они благополучно добрались до столицы, настала пора платить по счетам.

В кабинете Восточного двора воцарилась тяжелая, давящая тишина.

Шуанчэн стоял ни жив ни мертв, боясь издать даже вздох. Опустив голову, он упорно разглядывал носки собственных сапог и судорожно крутил пальцы. Изредка он бросал трусливые взгляды на сидящего за столом брата, но тот лишь молча листал какие-то бумаги, то и дело делая в них пометки кистью. Чем именно он был занят, оставалось только догадываться.

Сперва Шуанчэн пребывал в полнейшем смятении, всерьез опасаясь, что брат вытащит из какого-нибудь темного угла линейку для наказаний или с порога рявкнет: «На колени!» Однако минуты шли, а худшие опасения не оправдывались. По своей природе он привык во всем видеть только хорошее, а потому вскоре облегченно перевел дух, решив, что попросту сам себя напугал.

Постепенно страх улетучился, уступив место привычному любопытству. Шуанчэн принялся открыто разглядывать убранство кабинета, а видя, что Е Чжэнь никак на это не реагирует, окончательно осмелел. Ноги от долгого стояния затекли, и он, сделав пару шагов вперед, вознамерился усестись в стоявшее рядом кресло.

Однако стоило ему едва присогнуть колени, как раздался ровный, леденящий душу голос брата:

— Я разрешал тебе садиться?

Шуанчэн вздрогнул и пулей отпрянул на прежнее место. Самое обидное — Е Чжэнь даже головы не поднял. В душе юноши тут же поднялась волна жалости к себе:

«Эх, горькая моя доля, сирота казанская, никому я не нужен!»

А следом пришла досада на черствость брата: ну кто принимается изводить человека придирками сразу по приезду?

Обида оказалась так велика, что он непроизвольно жалобно пискнул:

— Брат... у меня ноги ужасно затекли.

Е Чжэнь лишь слегка приподнял голову и холодно обронил:

— Не можешь стоять смиренно — будешь стоять на коленях.

Шуанчэн испуганно замотал головой, спешно вытягиваясь в струнку.

Но долго изображать послушание непоседливый юноша просто не умел. В Биньчжоу он привык к вольной жизни; и хоть его не баловали сверх меры, рос он в неге и никогда не знал суровой дисциплины. За самые дерзкие проказы родственники наказывали его разве что лишением обеда.

В столице же порядки оказались куда суровее, что вызывало у Шуанчэна искреннее возмущение. Высказать его вслух он, разумеется, не смел.

Стоял знойный летний день, в запертом кабинете было невыносимо душно, и вскоре Шуанчэн покрылся испариной. Плотное платье лишь усугубляло мучения, а шея под воротником начала нестерпимо зудеть. Забывшись, он поднял руку, чтобы почесаться, как вдруг в лоб ему что-то с силой прилетело.

Ахнув от неожиданной боли, он потер ушибленный лоб и опустил взгляд. На полу сиротливо лежала небольшая книга.

— Раз уж стоять смиренно ты не приучен, изволь опуститься на колени.

Стопка книг под рукой Е Чжэня действительно поредела на один том. Брат смотрел на него с тонкой, пугающей полуулыбкой, от которой Шуанчэн невольно задрожал.

Шуанчэн больше всего на свете боялся этой нечитаемой, зловещей полуулыбки брата. Но и преклонять колени ему страсть как не хотелось. Помяв пальцами подол рубахи, он заискивающе зашептал:

— Братик, ну виноват я, виноват! Честное слово, больше ни-ни. Может, сжалуешься на первый раз?

Е Чжэнь не удостоил его ответом. Он лишь молча буравил юношу взглядом, который яснее всяких слов говорил: «Никаких поблажек».

Поняв, что спорить бесполезно, Шуанчэн послушно преклонил колени на холодный пол.

В кабинете густо пахло сандалом. Тонкие струйки сизого дыма неторопливо поднимались к потолку, свиваясь в причудливые кольца под самыми балками. Стоя на коленях, Шуанчэн чувствовал, как пересыхает в горле. Время тянулось невыносимо медленно. Юноша порывался заговорить, повиниться, разжалобить сурового судью, но, не зная истинных масштабов гнева Е Чжэня, не решался испытывать судьбу.

Выведя последний каллиграфический штрих, Е Чжэнь наконец отложил кисть и облегченно вздохнул. Дела государственной важности не терпели отлагательств, а на плечах главы Внутреннего кабинета лежала колоссальная ответственность за бесчисленные ведомственные заботы. Личный визит в Биньчжоу за братом отнял немало драгоценного времени, из-за чего на столе выросла целая гора неразобранных бумаг. Будучи человеком исключительно деятельным, Е Чжэнь понимал: в ближайшие недели спать ему придется совсем немного.

Но прежде следовало разобраться с нерадивым родственником. Они слишком долго жили в разлуке: Шуанчэн рос в Биньчжоу, пока брат устраивал дела в столице. И все же Е Чжэнь неусыпно следил за его судьбой. Поначалу мальчик вел себя смирно, но со временем покатился по наклонной — забросил книги, пристрастился к праздному безделью и повадился буянить. Драки в местном училище стали для него обычным делом. Наставники сменяли друг друга с завидной регулярностью, но ни один книжник так и не сумел обуздать строптивый нрав спесивого барчука.

От этих воспоминаний Е Чжэнь нахмурился. Он поднял взгляд на брата и заметил, что тот умудряется вертеться даже стоя на коленях. В груди шевельнулся гнев, однако лицо главы кабинета осталось безупречно бесстрастным.

Шуанчэн, упорно косившийся на брата, заметил легкое движение его руки. Решив, что в него сейчас полетит очередной увесистый фолиант, он испуганно вжал голову в плечи и запричитал:

— Брат, братик, пощади! Клянусь, теперь я буду шелковым! Пылинки с тебя сдувать буду, только не бей!

Е Чжэнь слегка нахмурился. Видя неподдельный ужас брата, он мгновенно догадался, что тот не на шутку струсил. Впрочем, разубеждать его он не стал, лишь сухо заметил:

— Раз уж ты прибыл в мою усадьбу, я приложу все усилия, чтобы выбить из тебя эту дурь. Однако за прежние провинности тебе все же придется держать ответ.

Шуанчэн недовольно надулся.

«Сам уехал на целых десять лет и носа не казал! Почему бы тебе сперва не объясниться?»

Однако вслух он покорно запричитал:

— Брат, я виноват. Зря я устраивал погромы в училище и измазал лицо учителя красками. Клянусь, больше такого не повторится, прости меня на первый раз!

— Это все? Продолжай.

— О чем еще?.. — глупо переспросил юноша, но тут же запнулся, вспомнив одну неприятную историю, и испуганно прикусил язык.

Е Чжэнь заметил это.

— Скажи, это ведь ты толкнул кузена Ци в воду, когда вы были в гостях у родственников в Биньчжоу?

У Шуанчэна екнуло сердце.

«Если сознаюсь, вряд ли мне это сойдет с рук — скорее огребу еще сильнее. Но если стану отпираться, а он уже все разузнал, то точно пиши пропало!»

Несмотря на бурю сомнений, выбор нужно было делать немедленно. Сделав глубокий вдох, Шуанчэн решил отпираться до последнего. Он посмотрел на брата с максимально невинным видом и твердо заявил:

— Брат, клянусь, я его пальцем не трогал! Он сам споткнулся и полетел в пруд!

Е Чжэнь смерил его холодным взглядом:

— Точно сам?

Шуанчэн закивал так усердно, словно пытался отвалить голову:

— Истинная правда! Он сам!

Е Чжэнь не ожидал, что младший брат научился лгать столь вдохновенно и без зазрения совести. Нахмурившись, он поднялся из-за стола и неторопливо подошел к книжному шкафу, выискивая что-то на полках.

Шуанчэн с опаской поглядывал на его манипуляции. Однако стоило ему разглядеть, что именно извлек из глубин шкафа Е Чжэнь, как у него внутри все оборвалось. Покосившись на широко распахнутые двери кабинета, юноша мгновенно вспомнил самое проверенное, надежное средство, которое не раз выручало его в Биньчжоу — нужно было немедленно бежать.